

Опыт дерадикализации исламского движения в Египте и России

Experience of de-radicalization of the Islamist movements in Egypt and Russia

Карпачёва О.В.

Канд. ист. наук, научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований ФГБУ Институт Африки РАН
e-mail: ovkar@yahoo.com

Karpacheva O.V.

Candidate of Historical Sciences, research fellow of the Centre for Civilisational and Regional Studies of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
e-mail: ovkar@yahoo.com

Нефляшева Н.А.

Канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований ФГБУ Институт Африки РАН
e-mail: innef@mail.ru

Neflyasheva N.A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Centre for Civilisational and Regional Studies of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
e-mail: innef@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены общие теоретические подходы к проблеме дерадикализации. В центре внимания авторов актуальные проблемы радикализации и дерадикализации исламского движения в Египте и России. Показаны возможные пути дерадикализации исламистских группировок на примере таких стран, как Индонезия, Узбекистан, Саудовская Аравия и Франция. Дана оценка политике египетских властей, направленной на дерадикализацию исламского движения в стране. Указаны практические направления, по которым развивается проблема дерадикализации в России.

Ключевые слова: радикализация, дерадикализация, исламское движение, Египет, Россия, Северный Кавказ, джихадизм.

Abstract

The general theoretical approaches to the problem of deradicalization are considered. The authors focus on actual issues of radicalization and de-radicalization of the Islamic movement in Egypt and Russia. Possible ways of de-radicalization of Islamist groups on the example of such countries as Indonesia, Uzbekistan, Saudi Arabia and France are shown. The policy of the Egyptian authorities aimed at the de-radicalization of the Islamist movements in the country is evaluated. The practical directions in which the de-radicalization problem is developing in Russia are indicated.

Keywords: radicalization, de-radicalization, disengagement, Islamist movements, Egypt, Russia, Northern Caucasus

Актуальность проблематики дерадикализации боевиков и лиц, еще не совершивших преступления, но потенциально способных стать боевиками, очевидна: угроза терроризма продолжает оставаться одной из серьезных для мировой безопасности. Среди идеологических угроз национальной безопасности для многих стран и регионов ключевой является идеология вооруженного джихада.

Государства – члены ЕС в 2018 г. сообщили о 33 предотвращенных и совершенных террористических атаках джихадистов в 2017 г., что более чем вдвое превышает показатель 2016 г. [1]. «Почти 705 человек были арестованы в 18 странах Евросоюза (373 из них проживали во Франции) по подозрению в причастности к джихадистской террористической деятельности, примерно такое же количество было арестовано в 2016 г. Большинство (354) были арестованы по подозрению в членстве в террористических организациях, за которыми последовали аресты из-за планирования (120) или подготовки (112) атак. Атаки джихадистов приводят к гораздо большему количеству жертв, чем другие террористические акты. Недавние нападения джихадистов можно разделить на три типа: неизбирательные убийства (Лондон, март и июнь 2017 года; и Барселона, август 2017); нападения на символы западного образа жизни (Манчестер, май 2017 г.); и атаки на символы власти (Париж, февраль, июнь и август 2017)» [2].

После атак Аль-Каиды 11 сентября 2001 г. во многих странах была сформирована глобальная антитеррористическая повестка, в которой преобладают силовые подходы. Однако статистика и практика показали, что, несмотря на большое количество контртеррористических операций по всему миру, направленных на устранение вооруженных джихадистов, угрозы не уменьшались. Даже когда их террористическая активность была минимизирована, цели джихадистов оставались неизменными, а на смену группам вооруженных джихадистов пришли сетевые сообщества и институт «одиноким волков». Многие государства в своей борьбе с терроризмом достигали успеха в краткосрочной перспективе, но терпели крах в долгосрочной.

Несмотря на эффективные последствия применения военной силы риски радикализации населения, особенно молодежи, сохранялись. В докладе Евросоюза «Терроризм в ЕС: ситуация и тенденция», содержащем анализ трендов 2018 г., говорится, что угрозы атак со стороны джихадистов сохраняются: «Число людей, прибывающих в зоны конфликта в Ираке или Сирии, чтобы присоединиться к террористическим группам джихада в качестве иностранных боевиков-террористов, значительно сократилось с 2015 года. Число возвращающихся было низким в 2017 году. Джихадисты могут действовать группами, но часто оказываются одинокими актерами. Ухудшение организационных структур ИГ делает эту группировку не столь привлекательной. Тем не менее, это не может повлиять на угрозу джихадистского терроризма, так как недовольные члены ИГ (запрещена в РФ) и сочувствующие - в том числе проживающие в государствах-членах ЕС – продолжают придерживаться джихадистских убеждений и, возможно, присоединятся к другим группам, таким как Аль-Каида. Аль-Каида по-прежнему является мощным игроком и активно поощряет террористические акты в ЕС» [3].

Очевидность этих проблем подтверждает необходимость комплексной контртеррористической политики. Важной стратегической целью в борьбе против терроризма является дерадикализация тех, кто уже совершил террористические акты, и предотвращение радикализации потенциальных рекрутов терроризма.

Радикализация – это процесс идеологической и поведенческой трансформации оппозиционной группировки (далее – Движение), выраженный в отходе от демократических принципов политической борьбы, включая мирную смену власти и признание легитимности идеологических и политических оппонентов, и ставке на насилие как инструмент достижения политических целей.

Дерадикализация, соответственно, заключается в таких принципиальных изменениях в идеологии движения, как отказ от насильственных и других экстремистских методов достижения политических целей, а также движение к поэтапному принятию социальных, политических и экономических перемен на основе политического консенсуса. Движение, находящееся в процессе таких изменений, может при этом не разделять демократические

ценности и не одобрять текущее политическое устройство страны. Вместе с тем, многие группировки, пребывающие в процессе дерадикализации, по-прежнему поддерживают женоненавистничество, гомофобию, ксенофобию и культивируют антидемократические взгляды.

Дерадикализация может происходить только на поведенческом уровне и не касаться идеологии. На поведенческом уровне дерадикализация означает фактический отказ от применения насилия для достижения политических целей без одновременной идеологической делегитимизации насилия. Наконец, существует и третий уровень дерадикализации. После объявления идеологической и/или поведенческой дерадикализации у руководства вооруженной группировки, как правило, возникает проблема организационной дерадикализации, расформирования вооруженных подразделений, включающее увольнение / демобилизацию их членов без раскола, мятежа или внутреннего насилия.

Типы дерадикализации соответствуют ранее упомянутым уровням; комплексная дерадикализация относится к успешному процессу дерадикализации на всех трех уровнях: идеологическом, поведенческом и организационном. Две крупные египетские организации, вооруженные подразделения «Братьев-мусульман» в 1969–1973 гг. и «Аль-гамаа аль-исламийя» в 1997–2002 гг. с успехом прошли этот процесс.

Самостоятельная дерадикализация влечет за собой дерадикализацию как на идеологическом, так и на поведенческом уровне, но не на организационном, из-за чего процесс сопровождается расколом внутри группировки, фракционизацией и внутренним организационным конфликтом и / или маргинализацией дерадикализированного руководства. Примером самостоятельной дерадикализации является процесс, происходивший с группировкой Аль-Джихад.

Дерадикализация исламских движений особенно актуальна для ряда государств, где ислам исповедует подавляющее большинство населения, а также для тех европейских стран, где велик процент мигрантов-мусульман.

Интеллектуальные круги исламских стран сходятся в том, что пути достижения дерадикализации должны носить комплексный характер, включая в себя не только силовые методы, но и комплекс мер по обучению, просвещению и социальной реабилитации исламских фундаменталистов. Подобные программы были запущены во многих странах, столкнувшихся с активностью радикально настроенных исламских активистов. Поддерживают эту точку зрения и европейские специалисты по изучению исламистских движений, предлагающие рассматривать исламизм не как «нечто, что можно победить или отнять, а как тенденцию, которую необходимо принять, и страны с мусульманским большинством должны найти способы поддержать наиболее приемлемые тенденции в исламизме» [4].

На сегодняшний день многие страны уже разработали и внедрили программы дерадикализации; успешными считаются программы, реализованные в Дании, Великобритании, Норвегии, Швеции, Германии, Саудовской Аравии, Египте, Сингапуре, Малайзии, Йемене.

Программы, принятые в разных странах, имеют свою региональную специфику, но каждая программа так или иначе включает работу с осужденными или теми, кто находится в группе риска, а именно: консультации уважаемых и авторитетных религиозных деятелей и имамов; психологическое консультирование; вовлечение в процесс дерадикализации близкого окружения, родителей, друзей и семьи; профессиональные тренинги, а также вовлечение в процесс мирной жизни уже после того, как осужденные вышли на свободу после тюремного заключения. Инновационность данных программ заключается в том, что они предлагают методологии и методы, находящиеся за привычными рамками, основанными только на силовых методах в отношении осужденных террористов и тех, кто находится в группе риска.

В западной литературе существует выражение «изменение сердец и умов», что подразумевает, что программы приводят осужденных и подозреваемых террористов не

только к отказу от применения насилия, но к отречению от идеологии насилия и возврату к мирной жизни в политике, религиозных общинах и в обществе.

Среди причин, которые толкают молодых людей на путь вооруженного насилия, специалистами называется обостренное чувство социальной справедливости и чувство отчужденности. «Первая причина вербовки — духовный кризис секулярной культуры эпохи постиндустриализма. Ключевую роль играют не социальные, а культурные и психологические проблемы» [5] – с мнением профессора А. Казанцева созвучны мысли многих его коллег.

Программы дерадикализации направлены, кроме всего прочего, на преодоление чувства отчужденности. Как заметил американский аналитик Брюс Хофман, «реинтеграция бывших террористов в общество должна быть основана на уменьшении или нейтрализации их чувства отчужденности. Это может быть достигнуто обеспечением потенциальных террористов оплачиваемой работой и вертикальной экономической и социальной мобильностью» [6].

Несмотря на большое количество аналитических статей и монографий, посвященных теме реабилитации, дерадикализации и реабилитационных программ, в отечественной историографии данный вопрос остается малоисследованным. События в Сирии и риски возвращения бойцов ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в РФ) подтверждают необходимость развивать тему [7].

Европейские специалисты ссылаются на книгу Джона Хоргана и Тора Бьерго «Оставляя терроризм позади» [8], задавшую векторы в изучении проблем дерадикализации. В исследовании выявляются факторы, влияющие на индивидуальный разрыв (disengagement) с практиками насилия при коллапсе террористических групп и эффективности правительственной антитеррористической политики. Книга содержит типологию терроризма в разных странах и является серьезным фундаментом для обсуждения возможностей выхода из джихадистских группировок, осуществляющихся при ведущей роли государств или координаторов и программ реабилитации. Анализируя опыт Норвегии, Швеции и Германии, авторы выделяют общие черты disengagement programs и считают, что необходимо различать когнитивные и поведенческие аспекты дерадикализации. Следует уделять внимание как изменению поведения и взаимоотношениям с боевыми группировками, так и изменению идеологических ценностей. Авторы пытаются ответить на следующие вопросы: на кого направлены инициативы по дерадикализации – на рядовых джихадистов или на лидеров? Как узнать, что человек действительно порвал с экстремизмом, каковы критерии этой оценки? Что можно сделать, чтобы выявить риски повторного вовлечения? Как мы можем управлять рисками, если человек вновь решил присоединиться к группировкам, применяющим насилие?

Одной из важных задач при определении общих подходов к теме дерадикализации является решение проблемы дефиниций. При определении проблем радикализации в западной литературе используются два термина – disengagement (разрыв) и deradicalization (дерадикализация), которые обеспечивают реабилитацию. Данные дефиниции заимствованы из юридической науки. Хотя цель реабилитации и преступников, и террористов заключается в том, чтобы реинтегрировать их в общество как законопослушных граждан, дерадикализация имеет идеологическое измерение. Программы дерадикализации направлены не только на то, чтобы человек отказался от практики применения насилия, но и на то, чтобы он признал, что политические изменения могут быть достигнуты путем легальной политической конкуренции, в рамках правового поля, без применения насилия и терроризма. Не менее важная цель успешных реабилитационных программ заключается в общественной мобилизации и влиянии общества на предотвращение радикализации.

Реабилитация подразумевает два этапа. Первый этап – это процесс разрыва с терроризмом или прекращение использования практик насилия (disengagement). Вторая стадия – это дерадикализация, определяемая как процесс идеологической модификации;

на этой стадии человек, ранее вовлеченный в насильственную деятельность, отказывается от своих экстремистских взглядов.

Различие между разрывом и дерадикализацией определяется тем, что разрыв – это необходимое условие, предшествующее дерадикализации. Часто террористы, отбывшие срок наказания, выходят на свободу, на практике отказавшись от терроризма, но продолжают придерживаться радикальных взглядов, и при определенных обстоятельствах они могут воссоединиться с террористическими группами. В этом смысле разрыв с насилием или признание, что насилие нелегитимно или неэффективно, является ключевым моментом дерадикализации. В идеальном варианте комплексные реабилитационные программы нацелены на то, чтобы лица, прошедшие программы дерадикализации, отказались от своих взглядов.

Существуют также определенные риски, затрудняющие дерадикализацию. Люди, решившие порвать с практиками насилия, могут быть стигматизированы своими бывшими «товарищами» и даже стать объектом мести. Тот статус, который они приобрели в течение многих лет членства в организации, может быть утерян, поэтому дерадикализация в большей степени направлена на рядовых членов группировок, чем на их лидеров. Саудовская и иракская программы дерадикализации сосредоточены на совершивших незначительные преступления, связанные с терроризмом, тогда как лидеры организаций, как правило, не реагируют на дерадикализацию. Таким образом, если цель направлена на дерадикализацию рядовых членов террористических группировок, важно изолировать их после освобождения из-под влияния своих лидеров и включить в социальные сети, управляемые идеологиями и нормами умеренности.

Одной из успешных моделей перевоспитания бывших боевиков считается датская «модель Орхуса», разработанная в 2015 г. Орхус, второй по величине город Дании, стал своеобразным полигоном реабилитации и дерадикализации боевиков, вернувшихся из Сирии и Ирака, по образцу которого создают аналогичные центры в других городах и странах. В Орхусе был создан специальный центр, учреждена горячая телефонная линия. Модель Орхуса основана на максимальном вовлечении бывших боевиков в общественную жизнь. Главное условие – власти и общество предоставляют возможность интеграции, при условии, что лицо не совершило тяжких преступлений. В этом случае власти предоставляют этому лицу возможность вернуться в жизнь общества. Весь процесс реабилитации проходит под контролем полиции, социальных служб, учителей, родителей.

Французский опыт был не столь успешен. Во Франции государственная программа дерадикализации была запущена в 2014 г., когда власти начали финансировать частные организации, занятые перевоспитанием потенциальных джихадистов. Первый и самый известный центр *Maison de la prévention et de la famille* («Дом профилактики и семьи») закончил свою деятельность с обвинением её руководства в финансовых растратах и имитации деятельности [9].

Следующая попытка дерадикализации французской молодежи была связана с программой тогдашнего премьер-министра Мануэля Вальса. Министерство образования и науки Франции в 2015 г. приняло программу «Большая мобилизация образования в поддержку ценностей Республики» (*Grande mobilisation de l'École pour les valeurs de la République*). Помимо прочего, программа предусматривала: подготовку 300 000 учителей-методистов в данной сфере; развитие системы школьных СМИ, посвященных соответствующей теме; взаимодействие с национальными СМИ и интернет-порталами; введение 9 декабря (дата принятия Закона об отделении церкви от государства) в учебных заведениях Дня светского государства; проведение памятных мероприятий патриотического характера; введение Дня национальной обороны и гражданственности; введение Недели борьбы с расизмом и антисемитизмом как формами радикального поведения; развитие исследований в сфере изучения радикализации; распространение методических пособий с указанием возможных признаков вовлеченности учащихся в радикальные религиозные организации [10]. В 2016 г. на реализацию программы были выделены десятки миллионов евро, она предусматривала создание 13 центров

перевоспитания по всей стране, каждый из которых имел возможность принять 25 чел. в возрасте от 18 до 30 лет.

Воспитанники центров должны были посещать уроки патриотизма, обществоведения, профессиональной ориентации и самоанализа. По разным данным, во Франции насчитывается примерно 9 тыс. чел., попавших в поле зрения спецслужб из-за своих радикальных воззрений. Власти рассчитывали, что треть из них пройдут «программу перевоспитания». Однако за первые полгода существования одного из центров, в котором на постоянной основе работало 27 чел., непосредственно в центр приехало всего 9 чел., и ни один из них не прошел всю планируемую программу на постоянной основе [11]. В июле 2017 г. депутаты верхней палаты парламента Франции представили доклад «Дезиндоктринация и социальная реинтеграция джихадистов во Франции и Европе», оценивший эффективность правительственных программ по дерадикализации. Авторы доклада на основании солидной источниковой базы критически оценили действия властей и пришли к неутешительному выводу, что программы по дерадикализации не работают ни в специализированных центрах, ни в пенитенциарных учреждениях [12]. Возможностями дерадикализации пользуется небольшое число осужденных, а заканчивает программы гораздо меньшее число участников, чем было на старте. Программа была свернута.

В Великобритании принято 33 специальных программы по защите наиболее уязвимых категорий граждан от радикальных группировок. Программы применяются в школах, досуговых центрах, на курсах английского языка для мигрантов и в спортивных клубах.

В целом, основные особенности европейских стратегий противодействия радикализации заключаются в приоритете перевоспитания, а не наказания; борьбе с радикализацией с привлечением полиции, школы, общественных организаций и т.п.; коммуникации с местными мусульманскими организациями; ключевой роли полиции. Если речь идет о дерадикализации мигрантов, то программы нацелены на принятие мигрантами ценностей принимающей страны. Программы используют и эмоциональные аспекты и особенности психологического состояния заключенного, а именно ограничение персональной свободы, ограниченное общение с семьей и друзьями; осознание потери будущих перспектив.

Согласно данным лондонского International Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence, эффективность большинства европейских программ находится под большим вопросом: за период с апреля 2013 г. по июнь 2018 г. к «Исламскому Государству» в Ираке и Сирии присоединились 41 тыс. 490 иностранцев. Из них 13% составляют женщины, а 12% – несовершеннолетние [13].

Из неевропейских программ заслуживает внимание опыт Саудовской Аравии, которая осуществляет социальную реабилитацию боевиков, вернувшихся на родину из Афганистана и Ирака. Примечательно, что программа схожа с программами реабилитации наркоманов в западных странах, за тем исключением, что помимо психологов и социальных работников в программу вовлечены религиозные авторитеты, которые преподают радикалам исламскую теорию джихада, правила исключения из мусульманской общины, отношения к немусульманам. Так, в 2018 г. правительство планирует построить 7 крупных центров реабилитации радикалов, в каждом из которых будет пребывать по 1000 «пациентов», которые по окончании реабилитации получают от государства финансовую помощь на получение образования и покупку жилья [14]. Саудовская программа дерадикализации джихадистов начинается в тюрьмах, где с осужденными террористами работают психологи, психиатры, эксперты по исламскому праву и имамы. Заключенные начинают с объяснения своих идеологических побуждений исламским ученым, специально приглашенным для участия в программе, а затем приступают к религиозному «академическому курсу обучения».

Основная цель курса – убедить заключенных в том, что их джихадистская интерпретация Корана неверна [15]. По окончании программы заключенные сдают экзамен, чтобы продемонстрировать отказ от радикальных убеждений. Независимо от того, окончат ли они программу или нет, осужденные обязаны отбыть срок заключения.

После отбывания наказания некоторые заключенные направляются в Реабилитационный центр, где они завершают процесс дерадикализации с помощью команды профессионалов-психологов, социологов, исламоведов. По окончании обучения специалисты центра дают свое заключение о том, подлежит ли заключенный освобождению или он должен быть отправлен обратно в тюрьму.

Саудовский подход основан на двух фундаментальных идеях, в рамках которых структурирована программа [16]. Во-первых, глубокое переосмысление исламского послания, направленного на противодействие джихадистской перспективе, которая привела людей к идеологическому и практическому принятию насилия как средства изменения мира. Во-вторых, развитие концепции *intimā' waṭānu*, т.е. формирование национальной идентичности, основанной на доверии к Королевству и препятствующей формированию вооруженной оппозиции. Саудовцы признают, что идеологи и лидеры вооруженных группировок не реагируют на реабилитацию и вряд ли успешно завершат программу [17]. Примерно 10–20% освобожденных заключенных возвращаются к незаконной деятельности.

В Индонезии, где проблема исламского радикализма стоит также очень остро, большое внимание также уделяется реабилитации бывших радикалов и их реинтеграции в общество. Власти стараются работать, в основном, с детьми, создавая школы по дерадикализации детей и подростков. Детям дают новые имена, учат их играть в обычные игры, читают лекции об истории страны с акцентом на её многоконфессиональность. Нередко дети, приходя в эту школу, на вопрос, кем ты хочешь стать, отвечают – мучениками, спустя какое-то время – называют привычные профессии [18].

Некоторые программы по дерадикализации включают пункты, предусматривающие заботу о семьях и детях осужденных. Так, программа Саудовской Аравии предусматривает помощь семьям заключенных, обеспечивая медицинскую помощь и образование детям. Если у заключенных нет семей, саудовское государство оказывает помощь в поиске жен для молодых мужчин-заключенных и оплачивает свадьбу, приданое и даже квартиру и машину [19]. Поскольку джихадисты в Саудовской Аравии, как правило, выходцы из нищих и социально незащищенных слоев населения, такие методы направлены на то, чтобы снизить их чувство разочарования и адаптировать их к жизни в обществе, давая меньше поводов обращаться к радикальным группам за поддержкой. После выхода из программы ее участники подлежат наблюдению и иногда условно-досрочному освобождению.

Программа в Сингапуре также обеспечивает поддержку семьям заключенных Джамаата Исламия, включая финансовую помощь семьям, основной кормилец которых получил тюремный срок. Консультанты находятся на постоянной связи с семьями осужденных, регулярно звонят им и предлагают консультации и помощь. Программа в Индонезии обеспечивает финансовую помощь семьям заключенных террористов, чтобы покрыть расходы, связанные с оплатой жилья и образованием детей.

Среднеазиатский подход в корне отличается от европейского и индонезийского. Необходимо отдельно упомянуть в этой связи опыт Узбекистана. Сменивший Ислама Каримова Шавкат Мирзиёев на посту Президента Республики Узбекистан ещё в 2016 г. заговорил о дерадикализации, делая ставку на решение экономических проблем, лишающих страну социальной стабильности, и на «чистоте религии». Чистота религии обеспечивалась посредством разнообразного государственного контроля за религиозной жизнью страны, при этом Комиссия США по международной религиозной свободе даже обвинила Узбекистан в цензуре религиозных материалов и в ограничении прав религиозных групп, и включила страну в соответствующий особый список. Естественно, позиция комиссии, как и её рекомендации, подверглись активной критике в средствах массовой информации Узбекистана, утверждающими, что государственный контроль направлен исключительно на защиту умеренных мусульман, женщин и подростков от радикального религиозного принуждения [20].

Следует учитывать, что программы дерадикализации, направленные на подозреваемых в терроризме, должны составлять лишь часть более масштабных усилий общества и государства, направленных на противодействие экстремизму в целом.

Опыт дерадикализации в Египте. 24 июля 2013 г. Абдул-Фаттах Халил Ас-Сиси, занимавший в то время пост министра обороны Египта, сделал ставку на силовое решение проблемы исламского радикализма и начал свою «борьбу с террором», которая длится уже шестой год. С лета 2013 г., когда нападения и убийства по идейным мотивам стали происходить все с большей регулярностью, по всей стране начались антитеррористические операции и аресты, а в законодательстве расширился перечень преступлений против «национальной безопасности». Одновременно с этим возросло количество жалоб на нарушение прав и свобод человека, выросло количество сообщений о пытках в тюрьмах и других формах репрессий против исламских активистов и их родственников. Власти Египта, полагаясь лишь на силовые методы борьбы с террористами, оказались неспособны предпринять целесообразные меры в отношении развивающихся угроз безопасности, а также разработать долгосрочную стратегическую политику по дерадикализации оппозиции и внедрить комплексную программу по предотвращению обострений.

С тех пор, как была объявлена война с терроризмом, существующие группировки эволюционировали, появились новые группировки и были нейтрализованы старые. С конца 2013 г. и по октябрь 2018 г. за более чем 1300 нападений ни одна из известных организаций не взяла на себя ответственность за совершенные преступления [21].

Количество нападений боевиков несколько снизилось в период отстранения от власти Президента Мухаммеда Мурси. В среднем, с конца июля и до конца 2014 г. сообщалось о 20 атаках в месяц. Из них только за 32 ответственность взяли на себя вновь возникшие группировки, из которых связанная с Аль-Каидой группировка Аджнад Миср, появившаяся в январе 2014 г. и продолжавшая совершать нападения на сотрудников органов безопасности до того, как их лидер был убит в операции, проведенной службой безопасности в апреле 2015 г.

Начиная с августа 2015 г. количество нападений в основной части страны заметно снижается, хотя те нападения, которые совершаются, отличаются крайней жестокостью. Вместе с тем, учитывая строгий государственный контроль средств массовой информации, остаются сомнения в объективности официальных данных.

С тех пор, как Президент Абдул-Фаттах Халил Ас-Сиси объявил войну с терроризмом, официальные государственные и другие новостные средства массовой информации сообщили о тысячах успешных антитеррористических операций. За 12 мес. до знаковой речи Сиси о выдаче распоряжения было сообщено об около 50 операциях службы безопасности по всему Египту, 61% из которых был проведен на Синайском полуострове. Начиная с июля 2013 г., органы государственной власти официально сообщили о 1800 операциях службы безопасности по всему Египту, а еще о 1672 операциях сообщалось в СМИ. В Северном Синае огласку получили около 39% этих операций [22].

Сообщалось о свыше 27 000 арестованных в ходе антитеррористических операций; только в мае 2015 г. было арестовано не менее 3000 чел., хотя с тех пор количество арестов уменьшились. Около половины из них были описаны, как касающиеся Братьев-мусульман, которых власти объявили террористической организацией в конце 2013 г., а другие, более чем 11 500 чел., были арестованы без их официальной привязки к какой-либо известной террористической группировке.

Принятие закона о чрезвычайном положении в апреле 2017 г. восстановило сценарий, когда египтяне постоянно жили в состоянии особой юридической ситуации, предоставляющей исполнительной власти широкие чрезвычайные полномочия по поддержанию национальной безопасности. Избежание подобного состояния было основной темой революционных обращений в 2011 г., а защита против его постоянного применения была зафиксирована в Конституции 2014 г. Несмотря на это, правительство продолжило упражняться в юридической софистике для обеспечения его постоянного

применения свыше года, без признаков возможности его истечения в ближайшем будущем.

Ряд дел о терроризме рассматривается в военных судах во время особых антитеррористических выездных судебных сессий судов по уголовным делам или на чрезвычайных трибуналах по государственной безопасности по преступлениям террористической направленности. Случаи привлечения к ответственности мирных диссидентов в рамках этих дел еще больше подорвали доверие людей к судебной системе и к государству в целом.

Египетское государство прилагает все возможные усилия по контролю высказываний, касающихся его войны с терроризмом, прибегая к радикальным мерам для пресечения любого независимого отчета в отношении ситуации безопасности в стране. Это включает в себя нападки на журналистов, включая аресты и уголовные преследования; включение формулировок текстов в антитеррористическое законодательство, затыкание ртов журналистов, освещающих стратегически важные события, а также массовую цензуру социальных сетей и других онлайн-ресурсов.

Несмотря на серьезную озабоченность со стороны общества в отношении легитимности и правомерности войны с терроризмом, она получила широкую поддержку внутренних политических структур Египта. Палата Представителей приняла постановление об отсутствии оппозиции любому законодательству, автором которого является Правительство, и не созывает министерства для обсуждения многочисленных отчетов о нарушении прав человека, в то время как политики из рядов приверженцев проголосовали за безоговорочную поддержку войны с терроризмом, объявленную Сиси.

Вашингтон продолжает широко поддерживать войну Египта с терроризмом посредством двух различных администраций, хотя материальное обеспечение существенно пошло на убыль. Хотя Президент США Дональд Трамп громко выразил свою поддержку Сиси, растущее поддерживаемое двумя партиями неодобрение в Конгрессе продолжающегося нарушения прав и свобод в Египте, наряду с намерением сдерживания угрозы безопасности, взяло курс на сближение с желанием администрации Трампа сократить международное финансирование в связи с недовольством взаимоотношениями Египта с Северной Кореей. Данная динамика привела к возможности снижения предоставляемой помощи до уровня ниже, чем 1 млрд долл. США, впервые с 1983 г.

Египет еще больше развернулся в сторону европейских стран с целью выполнения дорогостоящих контрактов на поставку оружия, и, несмотря на озабоченность в отношении подхода Египта к безопасности (в частности, основанной на зверском убийстве итальянского соискателя докторской степени Джулио Реджени (Giulio Regeni)), государства – участники Европейского союза подписали контракты на поставку оружия на сумму более 10 млрд долл. США с тех пор, как была объявлена война с терроризмом. Примечательно, что после продажи реактивных истребителей шквального огня и боевых кораблей класса «Мистраль» в 2016 г. Франция обогнала Соединенные Штаты как основного поставщика оружия Египту, а экспорт вооружения из Германии вырос более чем на 200% за последние пять лет.

Нарушение прав человека и подрыв верховенства права во имя войны с терроризмом, как доказано, не является эффективным в борьбе с искоренением радикальной исламской оппозиции. Данные методы, которые включают в себя ограничение информации, нарушение ведения надлежащего процесса и неофициальный суд (включая внесудебные расправы и коллективное наказание), возможно, внесли свой вклад в уменьшение нападений в некоторых случаях, но также в равной степени рискуют привести к радикализации населения и росту найма боевиков – в других. Кроме того, высокие социально-экономические затраты на политизированную, широкомасштабную и неэффективную войну с терроризмом в ближайшее время будут понесены египетским обществом.

Продолжающиеся беспорядки в Северном Синае, несмотря на годы длительных военных действий, включая тысячи смертей и арестов, демонстрируют, почему подобный

подход является неприемлемым. Несмотря на массовые аресты, нападения продолжаются, вызывая серьезные сомнения в способности военных справиться с угрозой. Боевики Синайского полуострова продолжают укомплектовывать свои ряды или за счет вербовки на местах среди разочаровавшейся молодежи основной части страны, или из-за границы, и остаются под такой же серьезной угрозой, как в начале пути войны с терроризмом. Степень жизнестойкости Виляят Синай и быстрое разрастание вооруженных формирований, вовлеченных в войну с терроризмом в Северном Синае, указывает на то, что без эффективной стратегии разоружения, демобилизации и реинтеграции, наряду с усилением верховенства права, установление безопасности и стабильности в провинции остается невозможным. Таким образом, пока все данные говорят о том, что силовые методы только загоняют радикалов в подполье и подвергают риску долгосрочную стабильность страны, но не являются наиболее эффективными в процессе дерадикализации и борьбы с терроризмом.

Население Египта в ближайшем будущем превысит 100 млн чел., тогда как официальный показатель безработицы составляет 12–15% и 30% из них – это молодые люди до 25 лет. За чертой бедности находятся 30% населения. Египтяне возлагают большие надежды на текущие реформы, в частности, в сфере сельского хозяйства и транспорта: создания новых провинций, развития и модернизации скотоводства и орошения земель, строительства агропромышленных предприятий и дорог, и т.д.

Социальное напряжение в обществе не снижается, и Египет может столкнуться с периодическими восстаниями вроде социальных движений последних лет в провинции, которые быстро подавлялись.

В плане безопасности, джихадистское восстание в Синае продолжается. Теракты происходят на регулярной основе. Последний случился в Александрии за несколько дней до президентских выборов и был направлен против высокопоставленного представителя полиции. Как справедливо утверждает французский аналитик Ломбарди Р., такая ситуация позволяет режиму сохранять режим чрезвычайного положения и оправдывать репрессии [23]. Как бы то ни было, не стоит забывать, что в 2014 г. в Египте насчитывалось более миллиона «Братьев-мусульман».

В борьбе с исламистами египетские власти не ограничиваются силовыми мерами и пытаются также взять под контроль религиозную жизнь страны. В январе 2014-го власти запретили «незарегистрированным» имамам выступать с проповедями. Темы пятничных проповедей стали спускать сверху. Однако эта мера, которая обосновывалась борьбой с основным политическим оппонентом, в первую очередь с Братьями-мусульманами, не принесла ожидаемого эффекта, так как для Братьев-мусульман мечети уже давно не являются основными центрами деятельности. Они используют университеты, школы, профсоюзы, благотворительные организации. Вербовка новых участников экстремистских организаций проводится теперь чаще в частных домах или в учебных заведениях [24].

В целом, следует констатировать, что нынешняя политика египетских властей, направленная на дерадикализацию исламского движения в стране, не является эффективной. Властям следовало бы поступать иначе: не продолжать эскалацию насилия, и не диктовать имамам темы проповедей, а налаживать диалог с радикально настроенными участниками и влиять на их умонастроения. Пока же в стране продолжают теракты, а в тюрьмах, судя по всему, набирает силу новое поколение политических оппонентов, верящих в святость борьбы с жестоким режимом, который сам себя дискредитирует использованием рассмотренных в настоящей статье методов.

Ставка Президента Ас-Сиси на насильственные действия очевидно себя не оправдывает и вызывает лишь ожесточение общества и появление новых радикалов, которые пополняют ряды активистов исламского движения.

Российский опыт дерадикализации. В данном разделе нашей статьи мы остановимся на «мягкой силе», применяемой по отношению к лицам, причастным к вооруженным джихадистским группам, имея в виду, что анализ силовой составляющей борьбы с религиозным экстремизмом содержится в большом количестве исследований. За десятилетия, с 1990-х годов, когда Россия впервые столкнулась с джихадизмом, в

нашей стране накоплен большой опыт профилактики противодействия экстремизму. Можно выделить, по крайней мере, 4 направления, в рамках которых реализуется профилактическая работа – просветительское (проведение бесед, чтение лекций, распространение аудио- и видеопродукции, брошюр и книг, формирующих нетерпимость к террористическим проявлениям); научно-исследовательское (проведение исследований, мониторинг радикализма и апробация результатов исследования на конференциях, форумах, организация экспертных площадок; публикация результатов исследований в профильных журналах); учебно-методическое (разработка памяток и пособий, позволяющих выявить признаки вовлечения в террористическую организацию; организация курсов повышения квалификации для госслужащих, психологов, педагогов, имамов, разработка методических пособий); практическое (работа, в том числе и в пенитенциарных учреждениях, с лицами, подвергшимися воздействию джихадисткой пропаганды, вербовке, а также их семьями). В каждом субъекте России проводится мониторинг факторов, способствующих проявлениям терроризма, в том числе мониторинг качества и уровня образования в религиозных учебных заведениях, учебно-методической литературы на предмет выявления в ней признаков экстремизма и т.д. В работу вовлечены представители духовенства, пропагандирующие ценности традиционного ислама. Статистика показывает, что счет таких мероприятий идет на тысячи.

Однако такое направление, как дерадикализация участников исламистских движений и групп, еще не сформировано не только в части практической реализации, но и выработки аналитических подходов с учетом специфики регионов России. На данном этапе представляется возможным говорить о складывании такого направления работы, которое способно обеспечить разрыв (disengagement) потенциальных рекрутов террористических организаций и их выход из них.

1. Концептуальные основы проблематики дерадикализации заложила международная научно-практическая конференция, состоявшаяся в Казани 9–11 октября 2018 г. «Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий». Организаторы конференции – Академия наук Татарстана, Центр исламоведческих исследований АН РТ, Казанский (Приволжский) Федеральный университет и аппарат Антитеррористической комиссии в РТ. Конференция была посвящена изучению международного и отечественного опыта дерадикализации сторонников экстремистских и террористических идеологий, радикальных течений и групп, обсуждались программы реабилитации участников и сторонников радикальных сообществ, способы деконструирования и опровержения радикальной пропаганды, изменения негативного восприятия реальности приверженцами указанных взглядов; а также наиболее успешные практики ресоциализации и адаптации в отношении данной категории лиц в странах дальнего зарубежья, странах СНГ и в Российской Федерации.

2. По всей стране созданы «горячие линии» и «телефоны доверия» не только в системе силовых структур НАКа, МВД и ФСБ, но и горячие линии при вузах и общественных организациях. В Общественной палате РФ с 1 августа 2015 г. работает специализированная Горячая линия по противодействию вербовщикам террористической Организации «Исламское государство» на территории РФ, куда могут обратиться те, у кого есть опасения, что их дети, родственники, близкие могли попасть под влияние вербовщиков экстремистской группировки «Исламское государство», или сообщить о действиях вербовщиков ИГ в их регионе [25]. На сайте Общественной палаты РФ содержится информация о том, что по данным на март 2018 г. 90% поступивших на горячую линию звонков о попытках вербовки подтвердились [26], однако нет статистических данных о количестве звонков и их географии.

3. С появлением ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в РФ) и других групп, воюющих на территории Сирии и Ирака, одной из проблем в организации противодействия отъезду мусульман из России в зону конфликта являлась необходимость шариатского разъяснения нелегитимности подобных групп с точки зрения ислама: мусульмане России, особенно молодежь, оказавшаяся в поисках своих ценностей и

мотиваций, нуждались в веских аргументах, ценность и значимость которых возрастала на фоне влияния Интернета, экономического кризиса и социальных проблем, характерных для мусульманских регионов России – безработицы, кризиса системы образования и здравоохранения, отсутствия социальных лифтов, клановости, коррупции. Издание фетв (правовых заключений) авторитетных мусульманских деятелей в какой-то мере закрыло эту идейную брешь. Религиозный совет и Совет ДУМ Республики Северная Осетия – Алания стали первыми среди мусульманских духовных авторитетов, кто дал шариатское разъяснение вопроса недопущения участия мусульман Северной Осетии в вооруженном противостоянии в Сирийской Арабской Республике, а также оценку идеологии и практике ИГИЛ как антигуманной, нелегитимной и противоречащей исламу. Позиция муфтията РСО-А определена в двух документах – «Обращение по ситуации в Сирии» и «Фетва по отношению к ИГИЛ». «Относительно Сирии и отправления туда для участия в боевых действиях говорим с полной ответственностью и откровенностью: людям, не имеющим основательных знаний по Исламу и не имеющим правильного представления о происходящем в Сирии, запрещается побуждать к участию в войне в Сирии, так же вдаваться в рассуждения относительно правоты или правильности групп находящихся там» [27], — говорится в документе. Не в последнюю очередь эти документы были приняты благодаря муфтию РСО-А Хаджимураду Гацалову, на сегодняшний день одному из самых авторитетных и харизматичных лидеров мусульман Северного Кавказа. Религиозный совет мусульман РСО-Алания осудил отъезд молодых мусульман в ИГИЛ: «ИГИЛ не является исламским халифатом, а Абу Бакр аль-Багдади – халифом мусульман. Никому не дозволено присягать на верность ИГИЛ, отправляться туда или поддерживать их каким-либо образом. Тем же, кто обманулся призывами этой группировки и последовал за ними, необходимо задуматься над своим положением, образумиться и вернуться к прямому пути» [28]. Фетва Совета улемов ДУМ РФ относительно легитимности группировки, провозгласившей себя ДАИШ, была принята несколько позже, через два года. Члены Совета на основании Корана, Сунны и других шариатских источников показали, что все действия ДАИШ, начиная от создания группировки, призыва к переселению и кончая жестокостью и публичными казнями, противоречат исламу. «С точки зрения мусульманских канонов участники подобных преступных группировок заслуживают (в результате судебного решения, исключающего сомнения относительно причастности к насилию, грабежам и убийствам) лишь смертной казни либо полной пожизненной изоляции от общества» [27] – говорится в тексте послания.

4. В регионах практикуется работа с личными историями тех, кто уехал в Сирию, но, разочаровавшись, решил вернуться домой. В Татарстане, Дагестане, Чечне подготовлены видеопрограммы с участием лиц, в том числе и женщин, решивших вернуться из Сирии, оказавшихся там из-за наивно-романтических иллюзий или love-story, или же отбывших наказание за террористическую (экстремистскую) деятельность. Например, муфтият Чеченской Республики, МВД ЧР и НКО «Объектив» проводили профилактическую программу «Сирия глазами очевидцев». Некоторых вернувшихся показывали по местному телевидению, вывозили в районы Чечни, им устраивали встречи с федеральными и иностранными журналистами [30]. Представляется, что ресурс, который содержат подобные личные истории для предотвращения отъезда молодых мусульман в Сирию и Ирак, используется не в полную силу, тогда как именно анализ мотивов отъезда и причин разочарования могли бы быть продуктивными в рамках общих усилий по идеологическому противодействию вооруженному джихадизму.

5. В рамках развития в 2010–2011 гг. «мягких мер» по противодействию джихадизму на Северном Кавказе стали создаваться комиссии по адаптации бывших боевиков. Впервые такая комиссия была создана в Дагестане. Указом президента Дагестана М. Магомедова в ноябре 2010 г. была создана Комиссия по содействию в адаптации к мирной жизни лиц, решивших прекратить террористическую и экстремистскую деятельность. Беспрецедентным шагом в направлении внутриисламского диалога явилось включение в состав Комиссии Аббаса Кебедова, руководителя оппозиционной организации «Ассоциация ученых Ахлю-Сунна в Дагестане». С момента

образования по 2012 г. Комиссией проведено 14 заседаний. Рассмотрены обращения 28 лиц, причем трое из них обращались в Комиссию дважды. Почти 40 чел. удалось вывести из подполья в 2011 г. [31].

Работа комиссии разворачивалась на более широком фоне развития внутриконфессионального диалога в Дагестане. На III съезде народов Дагестана в декабре 2010 г. было заявлено, что все религиозные течения в исламе признаются равными. Гораздо более серьезные изменения исламского ландшафта в Дагестане произошли весной 2012 г. В апреле в Джума-мечети г. Махачкалы состоялась встреча, казалось бы, еще невозможная несколько лет назад. На совместный пятничный намаз встали умеренные салафиты (члены Ахлю-Сунны) и представители ДУМД во главе с муфтием Дагестана. По итогам встречи была принята резолюция, включавшая такие важные пункты, как запрет на поношение мусульманами разных течений друг друга, запрет на выслеживание и доносительство на мусульман; в резолюции провозглашалась допустимость выяснения спорных теологических вопросов только в научных дискуссиях, а также недопустимость запрета на выезд дагестанцев для обучения в зарубежных исламских высших учебных заведениях.

Казалось бы, процесс внутриконфессионального сближения мусульман в Дагестане набирал силу, а либерализация политики позволила и умеренным салафитам выйти в общественное пространство с рядом социальных проектов и благотворительных акций. Предполагалось, что дагестанский сценарий будет повторен в других республиках СКФО. В Ингушетии указ о создании комиссии по адаптации боевиков глава республики Юнус-Бек Евкуров подписал 9 сентября 2011 г. Глава Кабардино-Балкарии Арсен Канокоев подписал указ, в соответствии с которым в республике образована комиссия по адаптации боевиков 24 января 2012 г. В марте 2012 г. и в Карачаево-Черкесии по указу главы республики Рашида Темрезова создана комиссия по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность на территории республики.

Однако с уходом главы Дагестана М. Магомедова курс на «мягкую силу» в отношении салафитов был свернут. Работа комиссии по адаптации в Дагестане была еще и публично обесценена в риторике следующего главы республики Р. Абдулатипова, использующего проблемы в деятельности комиссии в процессе политической конкуренции с кругом прежнего президента Дагестана. В остальных республиках (за исключением Ингушетии) длительное время комиссии работали слабо и формально. В КБР Комиссия реально заработала только с 2016 г.

Представляется интересным начинание главы Ю. Евкурова – было анонсировано создание женсовета с участием вдов боевиков в республике, призванного интегрировать их и детей боевиков в общество и избежать их стигматизации и отчуждения. Данная инициатива, тем не менее, не была реализована.

6. В 2018 г. создана Ассоциация психологической помощи мусульманам. Это первая в России некоммерческая организация, целью которой является решение актуальных психологических проблем российских мусульман и оказания духовно-ориентированной психологической помощи на основании соотнесения знаний и опыта в области психологии с канонами ислама. Специалисты ассоциации будут работать над психологической реабилитацией лиц, подвергшихся воздействию экстремистской пропаганды, вербовке, а также пребывавших в экстремистских организациях.

В целом, все указанные направления, по которым могла бы развиваться первая стадия дерадикализации, называемая в западной литературе *disengagement*, либо свернуты, либо находятся на начальном этапе своего развития и только обретают практические контуры.

Статистика показывает, что силовые методы приносят свои результаты – северокавказское подполье значительно ослабло, ключевые фигуры Имарата Кавказ уничтожены в период 2012–2015 гг. Однако проблемы влияния джихадизма на молодежь остаются. При наличии общей тенденции, когда не выработан общий вектор взаимодействия государства и общества с салафитскими общинами, стоящими на умеренных позициях, а представители умеренного салафизма ограничиваются в

возможностях реализации духовных и поведенческих практик (посещение салафитских мечетей, ношение бороды и хиджаба), отсутствии социальных проектов (благотворительность, обустройство города, помощь социально незащищенным слоям населения), в которых они могли бы реализовать свою активность, а также практике закрытия салафитских мечетей и профучета, принявшей, например, в Дагестане массовый и юридически не оправданный характер, создаются риски расширения протестного поля и вовлечения молодых людей в джихадистские группировки, культивирующие насилие. Опыт Египта и России показывает, что ставка только на силовые методы и применение традиционных методов профилактики религиозного экстремизма не срабатывают.

Литература

1. European Union Terrorism Situation and Trend Report 2018. - Режим доступа: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-2018-tesat-2018>, p.13.
2. Ibid. P.23.
3. Ibid P.5-7
4. *Grinin Leonid, Korotayev Andrey and Tausch Arno* (2019), *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy: World System and World Values Perspectives*, Switzerland, Springer International Publishing AG, p. 99.
5. *Казанцев, А.А.* Проблема вербовки и возврата боевиков-террористов: опыт Европы и перспективы России. № 27/2016 / [А.А. Казанцев]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2016. С.8.
6. *Hoffman, B.* The prevention of terrorism and the rehabilitation of terrorists: some preliminary thoughts // The Rand Paper Series. February.1985, p.4. – Режим доступа: <https://www.rand.org/pubs/papers/P7059.html>
7. Reintegrating ISIS Supporters in Syria: Efforts, Priorities and Challenges By Haid Haid. – Режим доступа: <https://icsr.info/wp-content/uploads/2018/08/ICSR-Report-Reintegrating-ISIS-Supporters-in-Syria-Efforts-Priorities-and-Challenges.pdf>; Terrorist Rehabilitation and Counter-Radicalisation. New Approaches to Counter-terrorism, 1st Edition. Ed. by Lawrence Rubin, Rohan Gunaratna, Jolene Anne R. Jerard. Routledge, 2011; The De-Radicalization of Jihadists. Transforming Armed Islamist Movements, 1st Edition By Omar Ashour, Routledge, 2009.
8. Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement. Ed. by Tore Bjørgo and John Horgan. Routledge, 2008
9. *Куракин, М.* Дерадикализатор сломался / М. Куракин // Lenta.ru. – 4 апреля 2017 00:04. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2017/04/04/deradicalisationfranceoblom/>.
10. *Казанцев, А.А.* Указ. Соч. С.22
11. Там же.
12. *Пащенко, И.В.* Дерадикализационные программы Западной Европы: принципы реализации и оценка эффективности // Ростовской научный журнал. 2018. № 1. – режим доступа: <http://rostjournal.ru/?p=2934>
13. NEWS.ru, там же.
14. Дерадикализация Ислама [Электронный ресурс] // MIGnews.com. – 10.03 2:32. – Режим доступа : http://mignews.ru/news/society/world/090308_233218_03753.html.
15. Deradicalization Programs in Saudi Arabia: A Case Study. – Режим доступа: <https://www.mei.edu/publications/deradicalization-programs-saudi-arabia-case-study/>.
16. *Brzuskiewicz, S.* Saudi Arabia: the de-radicalization program seen from within. – Режим доступа: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/saudi-arabia-de-radicalization-program-seen-within-16484/>.

17. *Porges, Marisa L.* The Saudi Deradicalization Experiment. – Режим доступа: <https://www.cfr.org/expert-brief/saudi-deradicalization-experiment/>.
18. *Балтачева, М.* Как дети отказываются от судьбы террориста-смертника / М. Балтачева // NEWS.ru. – 30 июля 2018 21:55. – Режим доступа : <https://news.ru/v-mire/deti-terroristy-smentrniki-islam/>.
19. *Williams, Michael J. and Lindsey, Samuel C.* A social psychological critique of the Saudi terrorism risk reduction initiative // *Psychology, Crime & Law*, Vol. 20, Iss. 2 (2014), p.138.
20. Дерадикализация в Узбекистане: все дело в экономике // Информационный портал Uzbekistan Today. – 11.02.2018. – Режим доступа : <http://ut.uz/ru/analitika/deradikalizatsiya-v-uzbekistane-vse-delo-v-ekonomike/>.
21. Egypt Security Watch: Five Years Of Egypt’s War On Terror (2018), The Tahrir Institute for Middle East Policy.
22. Ibid.
23. Ас-Сиси между судьбой Бонапарта и простого могильщика революции // ИноСМИ.Ru. – 29.03.2018 14:56. – Режим доступа : <https://inosmi.ru/politic/20180330/241863291.html>.
24. Там же.
25. Общественной палатой РФ выпущена специальная брошюра. В брошюре выделены специальные разделы: Могу ли я оказаться в поле зрения вербовщика?; Как распознать вербовщика? Как понять, что меня вербуют? Как понять, что мой ребенок подвергся вербовке? Как противостоять давлению вербовщика? См. ИГИЛ — угроза человечеству. Почему необходимо уничтожить терроризм. М.: Издательство «Буки Веди», 2016. – Режим доступа: https://www.oprf.ru/files/1_2016dok/broshyura_IGIL_ugroza07092016.pdf
26. Вербовка россиян в террористические группы продолжается. 13.03.2018. – Режим доступа: <https://www.oprf.ru/1449/2134/2205/2207/newsitem/44473>
27. *Гацалов, Х.* Россия и ислам: на острие атаки. - Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, – 2016. – С. 288.
28. Решение религиозного совета мусульман РСО-Алания. – Режим доступа: <http://islamsetia.ru/2015/08/27/2015-08-27-18-44-32/>
29. Богословское заключение (фетва) Совета улемов ДУМ РФ относительно легитимности группировки ДАИШ <http://dumrf.ru/upravlenie/sovetulemov/9147>
30. Отчет по итогам круглого стола «Причины радикализации части молодежи и противодействие идеологии ИГИЛ на Северном Кавказе. https://memohrc.org/ru/news_old/otchet-po-itogam-kruglogo-stola-prichiny-radikalizacii-chasti-molodezhi-i-protivodeystvie
31. Последнее заседание дагестанской Комиссии по адаптации боевиков выявило огромные упущения в деле воспитания верующей молодежи. <https://golosislama.com/news.php?id=6047>